

Время, казалось, совершило стремительный прыжок в 1991 год, но магический мир теперь разительно отличался от того, что сохранился в памяти Гарри. Накануне своего одиннадцатого дня рождения он неподвижно сидел у окна, вглядываясь в ночное небо, пока мысли уносили его далеко за пределы комнаты.

За два года Министерство магии преобразилось. Даже Фадж, который в прошлой жизни запомнился Гарри как совершенно никчемный чиновник, всё больше походил на настоящего министра. Реформы, начатые вместе с Основателями, принесли плоды: по крайней мере, магическое сообщество наконец-то научилось отделять личность Волдеморта от наследия Слизерина. Учреждения для сирот постепенно доводились до ума; теперь маленькие волшебники, лишившиеся семей — будь то чистокровные или маглорожденные — обретали достойные условия для жизни. Что же касается детей из мира маглов, то ежеквартальные экскурсии в мир магии помогали им осознать свою природу и привыкнуть к будущему месту учебы. Разумеется, эта деятельность заставила и большинство магов присмотреться к жизни маглов: их технологиям, культуре, образованию и даже политике. Прежняя политика самоизоляции дала трещину. Сквибы, на которых раньше взирали с презрением, теперь отправлялись в мир маглов за знаниями; одни становились там «глазами и ушами» министерства, другие возвращались, принося плоды прогресса в жизнь магов. Множество вещей из обычного мира были изучены и зачарованы, значительно облегчив быт волшебников. Северус, например, искренне заинтересовался химическим оборудованием, которое притащил Люциус. Сочтя такие инструменты более точными, он тут же внедрил их на уроках зельеварения. А созданное усилиями Предка-льва и Северуса зелье против последствий Круциатуса спасло многих, кому раньше оставалось лишь медленно умирать в Больнице магических травм и болезней Святого Мунго. Родители Невилла стали первыми пациентами: сейчас они уже вернулись в поместье Лонгботтомов и заново привыкали к нормальной жизни.

Однако больше всего Гарри радовала встреча с Гермионой и Невиллом. Во время второй «экскурсии» для маглорожденных Драко пригласил Гермиону в Поместье Малфоев, позвав туда и Невилла. Там, в комнате Драко, Гарри наконец увиделся с ними. И хотя не обошлось без восторженных вскриков по поводу «Спасителя», Гарри был по-настоящему счастлив. В детстве Гермиона оказалась чуть более живой и активной, хотя в ней уже проглядывали будущие черты — строгость, властность и та самая страсть к книгам, которая не угасала с годами. Невилл же остался таким же робким и тихим, каким Гарри его помнил, но в компании троих сверстников быстро оттаял и начал увлеченно расспрашивать Гермиону о растениях из мира маглов. Гарри отдал им свои записи по основам магии для начинающих, надеясь, что это поможет им развить способности. Для него Гермиона и Невилл были самыми близкими друзьями, а Гермиона — почти родной сестрой. Он не рассчитывал, что сможет полностью оградить их от бед, но, по крайней мере, хотел дать им шанс защитить себя. За один вечер четверка снова стала неразлучна; они договорились о тайной переписке и пообещали друг другу встретиться в Хогвартсе.

Сириус при поддержке Римуса и Нарциссы привел в порядок дела рода Блэк. Двух лет хватило, чтобы древняя фамилия вернула себе былое величие. В Старом особняке Блэков родились новые домовые эльфы, так что Гарри больше не беспокоился, что Кикимер надорвется на работе. Что же до Беллатрисы... Эта безумная женщина по-прежнему внушала Гарри опасения. После долгих обсуждений с портретами предков её имя было выжжено с гобелена, а доступ в дом навсегда закрыт. Леди Вальбурга даже приказала Кикимеру атаковать её без предупреждения: она не могла простить Белле жестокости по отношению к Регулусу и того, что та подстрекала Волдеморта отправить её сына на верную смерть. Впрочем, больше всего

старую леди заботило продолжение рода. Она без конца донимала Сириуса требованиями жениться и завести детей, используя Гарри как предлог — мол, мальчику нужна заботливая женщина в доме. Гарри от таких разговоров становилось и смешно, и неловко, а Сириус использовал управление поместьем как щит, спасаясь от свиданий вслепую. Гарри и сам хотел бы, чтобы у крестного кто-то был, но не мог представить подходящую кандидатуру — все знакомые женщины были либо замужем, либо слишком юны. Впрочем, предложение Предкальва тоже имело право на жизнь: спутником жизни не обязательно должна быть женщина, раз уж зелье деторождения способно решить вопрос наследника. Северус даже изъявил ядовитую готовность предоставить зелья высшего качества, «при условии, что рожать будет Сириус». На что Римус резонно заметил: характер у Сириуса слишком непоседливый для роли «будущей мамочки».

Пока что всё шло на удивление гладко, и Гарри чувствовал облегчение. Опыт прошлой жизни позволил подготовиться ко многому. Но тревога не покидала его: возможно, благополучие было слишком полным, и он подсознательно ждал подвоха. Неужели привычка быть «мальчиком для битья» в прошлой жизни настолько въелась под кожу, что теперь он просто не мог привыкнуть к успеху? Гарри не знал, стоит ли над этим посмеяться, но решил, что бдительность лишней не бывает.

Завтра — его второй одиннадцатый день рождения. Гарри забрался под одеяло, размышляя о том, что Хагрид больше не придет за ним. И Букли больше не будет. Теперь у него жил «Охотник» — крупная серая сова-самец. Охотник был великолепным почтальоном: никогда не ошибался, был неприхотлив в еде и признавал только Гарри. Сириус порывался купить полярную сову, точь-в-точь как Букля, но Гарри отказался, сославшись на то, что белоснежное оперение слишком бросается в глаза. В его сердце Букля была единственной и незаменимой. Вспоминая, как они играли на школьном дворе во время рождественских каникул, Гарри надеялся, что эта мудрая и верная девочка заглянет к нему хотя бы во сне.

После завтрака Сириус и Римус распахнули все окна в гостиной, с нетерпением ожидая хогвартскую сову. Гарри сидел на диване, лениво перелистывая книгу и с улыбкой наблюдая за взрослыми, которые волновались больше него самого. За исключением адреса, письмо не должно было ничем отличаться от прежнего — Гарри, побывавший в шкуре директора, знал текст приглашения наизусть.

— Гарри, Гарри, смотри! Сова летит! — радостно закричал Сириус, когда маленькая птица впорхнула в комнату и приземлилась на стол.

Под пристальными взглядами Сириуса и Римуса совенка явно занервничал, беспокойно хлопая крыльями и тараща глаза. Стоило Гарри забрать конверт, как почтальон, словно ища защиты, перелетел ему на плечо и замер. Видимо, мальчик показался ему самым вменяемым человеком в этом доме.

Знакомый герб Хогвартса, знакомые зеленые чернила. Содержание — слово в слово как в прошлый раз. Просмотрев письмо, Гарри отдал его Сириусу, а сам быстро набросал ответ.

Угостив совенка кусочком мяса, он выпустил его на волю.

— Хм, похоже, приглашения в Хогвартс не меняются веками. Всё то же самое, что было у нас с Римусом. Столько всего в магическом мире перевернули, а Дамблдор даже строчку в письме поправить не сподобился, — проворчал Сириус. Римус лишь усмехнулся, а леди Вальбурга, погруженная в свои мысли, пренебрежительно скривилась.

— Гарри, пойдем в Косой переулок прямо сейчас? Палочку ты должен выбрать сам, а с остальным проще — котлы и прочее добро у нас и дома найдутся.

Гарри при мысли о Косом переулке охватила головная боль. Если всё будет как в прошлый раз, и на него станут глазеть, как на редкого зверя в клетке — это будет катастрофа.

— Ладно, но мне нужно немного замаскироваться. Не горю желанием быть гвоздем программы.

— Визита в Магазин мадам Малкин тебе не избежать, — заметил Римус, оглядывая мальчика.
— Ты прилично вытянулся, хотя... почему ты совсем не прибавляешь в весе?

Крестный обошел Гарри кругом, озадаченно качая головой. За эти два года они с Сириусом перепробовали все способы откормить подопечного, но Гарри оставался всё таким же худощавым.

— Помнится, Джеймс Поттер в этом возрасте был крепким, как молодой бычок, — вставила леди Вальбурга, присматриваясь к Гарри. — А у этого — одни скулы. Хоть лицо немного округлилось, уже не такой острый подбородок, как раньше. Впрочем, Драко тоже не отличается полнотой, Нарцисса на это постоянно жалуется.

Гарри мысленно содрогнулся, представив, что Сириус не успокоится, пока он не станет напоминать Дадли. Но нынешним ростом он был вполне доволен — в этот раз он явно был выше. Написав короткую записку Драко о встрече у Олливандера, Гарри отправил Охотника и втайне взмолился, чтобы Нарцисса не вздумала обсуждать с Сириусом диету для их «худышек».

Оставив Сириуса и Римуса закупать школьные принадлежности, Гарри встретился с Драко неподалеку от лавки палочек и почувствовал, как напряжение немного отпускает. Косой переулок был забит до отказа; казалось, сюда съехались маги со всей Британии.

— Ну и как тебе? Косой переулок знатно преобразился, а? — Драко, как всегда, выглядел безупречно, хотя его наряд стал менее вычурным, чем в их детстве.

— Терпимо, если бы не толпы. Боюсь, как бы меня не узнали. Где твои родители? Почему ты один? — Гарри рассеянно двигался к магазину, ощущая странный, трудноописуемый зуд в кончиках пальцев.

— Если честно, в этом наряде ты больше похож не на первокурсника, а на шпиона на задании, — Драко хмыкнул, глядя на глубокий капюшон черного плаща Гарри. — С таким видом только в Лютный переулок захаживать. Но хорошо, что ты прислал записку. Я специально тянул с палочкой до сегодняшнего дня, знал, что ты получишь письмо. Отец с матерью пошли за покупками, они... ну, ты сам знаешь, оба не горят желанием лишний раз встречаться с Олливандером.

Лавка Олливандера была всё такой же ветхой, но Гарри научился не обращать на это внимания. Только Драко вполголоса ворчал, что старик, похоже, не сделает ремонт и через тысячу лет. Стоило им переступить порог, как Гарри ощутил волну магической энергии. Словно тихий шепот, зовущий его по имени. Он перехватил взгляд Драко — тот тоже выглядел озадаченным. Очевидно, в прошлый раз ничего подобного не было.

— О, мистер Поттер и мистер Малfoy... Я знал, что вы скоро придете, — Олливандер возник перед ними внезапно, словно из воздуха.

Гарри едва сдержал рефлекс пустить в него заклинание. К манере старика эффектно появляться невозможно было привыкнуть.

— Мистер Олливандер, мы здесь за палочками, если вы не возражаете, — Драко сделал шаг вперед, инстинктивно прикрывая Гарри и выражая явное недовольство.

Начался долгий, изнурительный процесс. Чтобы сэкономить время, они пробовали палочки одновременно, так что и хаоса в лавке было вдвое больше. Потоки воды, порывы ветра, снопы искр — магазин стремительно превращался в поле боя. Но странный мастер лишь распялся, совершенно не обращая внимания на летящие щепки и пыль. Спустя час у Гарри затекла рука, а терпение подошло к концу. Драко тоже был на пределе, его движения стали резкими и раздраженными.

— О, какие капризные клиенты... и какая поразительная магическая мощь. Похоже, мне придется предложить вам нечто... особенное.

«К черту твое особенное!» — одновременно подумали мальчики. Они слишком хорошо знали эту манеру старика тянуть время.

— Остролист и перо феникса. Мистер Поттер, попробуйте эту. А вы, мистер Малfoy — вот, боярышник и волос единорога.

Наконец-то. Получив свои «судьбоносные» палочки, оба выдохнули, но тут же почувствовали неладное. Дерево в руках ощущалось... иначе. Не так, как в прошлой жизни. Обменявшись

тревожными взглядами, они одновременно взмахнули палочками.

Ничего.

Никакой реакции. Обычный кусок дерева, ничем не лучше тех сотен, что они перепробовали до этого.

— Хм, — Олливандер ничуть не смутился. — Похоже, я ошибся. Совсем не то, чего я ожидал. Это не ваши палочки.

Он забрал инструменты и скрылся в самой глубине магазина.

Палочка, сопровождавшая тебя всю жизнь, больше тебе не подходит. Гарри растерянно посмотрел на свою ладонь, горько усмехнувшись. Драко тоже был не в своей тарелке; его старая палочка, может, и не имела такой глубокой истории, как у Гарри, но она была его верным товарищем во всех испытаниях.

— Мне стоило вспомнить о них раньше. Они слишком долго томились в одиночестве, никто не мог с ними совладать... Я почти забыл об их существовании, — Олливандер вышел, бережно неся две запыленные коробки. Он нежно протер дерево тряпицей, и его взгляд засиял неестественным блеском. — Мистер Поттер, мистер Малfoy... Вы оба — личности незаурядные. Я не встречал детей, подобных вам. Ни по уровню магического потенциала, ни по силе духа... ни по состоянию вашей души.

Гарри и Драко вздрогнули. Ходили слухи, что в жилах Олливандера течет кровь гоблинов, но они не знали, что он способен видеть суть человеческой души. Неужели секрет их перерождения раскрыт? И расскажет ли он об этом Дамблдору?

— Эти палочки были созданы моими предками так давно, что точную дату уже не найти. Многие века они ждали своих хозяев. И сегодня, кажется, пришло время им покинуть эти стены, — мастер протянул инструменты мальчишкам. — Из-за их древности материалы основы и сердцевины определить невозможно. Но мой отец говорил: ими смогут владеть лишь маги невероятной силы и... необычной судьбы. Прощу, попробуйте. Мне и самому не терпится увидеть результат.

Гарри осторожно взял палочку. Тот самый зов, который он почувствовал при входе, теперь стал отчетливым и ясным. Драко замер от удивления: палочка в его руке казалась продолжением его собственного существа, чем-то бесконечно близким и родным.

Они взмахнули ими одновременно. И то, что произошло в следующее мгновение, заставило всех троих затаить дыхание.

Из палочки Гарри вырвался огромный грифон с головой орла и мощным телом льва. За его

спиной распахнулись драконьи крылья, а из-под когтей вырывались языки живого пламени. В то же время из палочки Драко взмыл ввысь древний крылатый змей. Голова и крылья дракона, гибкое змеиное тело и такой же огненный шлейф на хвосте. Двое мифических существ, о которых слагали легенды, кружили под потолком лавки. Они соприкоснулись крыльями, словно старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки. Гарри и Драко стояли не шелохнувшись, завороченно глядя на это чудо. В их душах разлилось тепло и чувство абсолютной гармонии, которого они не знали прежде.

— Невероятно... Поразительно... Самое прекрасное зрелище, что я видел за всю свою долгую жизнь! — когда сияние угасло, Олливандер едва ли не прыгал от восторга. Он поспешно убрал палочки в футляры. — Это легендарные звери! Они идеально срезонировали с вашей магией и душами! Поверьте мне, джентльмены, вы не рождены для заурядной жизни. Весь магический мир еще будет рукоплескать вашим свершениям! Разумеется, я сохраню это в тайне, пока вы не заявите о себе. Слишком многие маги не понимают, что палочка — это половина души волшебника, и жаждут присвоить чужое, оскверняя саму суть магии.

Ошеломленные, Гарри и Драко расплатились и вышли из лавки, словно лунатики. Они не видели, как Олливандер долго смотрел им вслед, шепча самому себе:

— Эта пара палочек... Они находят хозяев только тогда, когда два мага одинаково сильны, одинаково благородны и связаны узами, ради которых готовы пойти на всё. Кто знает, станут ли они тем, что в летописях зовут «спутниками души», или останутся верными друзьями до гроба? Гарри Поттер и Драко Малfoy... Спаситель и наследник Малфоев. Поистине, судьба — великая шутница.

Этой ночью и в поместье Блэков, и в поместье Малфоев двое мальчиков страдали от бессонницы. Что означала эта смена палочек? Олливандер даже не заикнулся о шраме Гарри и о Волдеморте. Неужели это прямое следствие их возвращения в прошлое? Драко вспоминал крылатого змея — его величественный образ выжгся в памяти. Настоящий символ Слизерина, связь с наследием Предка-змея... Возможно, это доброе предзнаменование. Знак того, что в этот раз их победа будет окончательной и безусловной.

Гарри же был настроен менее оптимистично. Его не покидала горькая ирония. Он ненавидел титул «Избранного» почти так же сильно, как самого Волдеморта, но когда старая палочка с пером феникса отвергла его, он ощутил щемящую тоску. Если палочки-близнецы были доказательством их вражды, то что означал этот грифон? Может быть, он действительно слишком привык ждать беды и просто боится верить в лучшее?

В Хогвартсе Альбус Дамблдор тоже не мог уснуть. Олливандер сообщил ему, что палочка с пером Фоукса не признала Гарри Поттера, но наотрез отказался рассказывать, что именно выбрало мальчика. Раньше и директор, и мастер были уверены, что связь predetermined — не из-за славы, а из-за шрама. Столкновение Авады и защиты крови не проходит бесследно. Дамблдор не знал наверняка, но был убежден, что эта связь станет ключом к победе над Лордом. Но теперь... Без палочки, способной противостоять силе Волдеморта, сможет ли Гарри

одолеть его? Дамблдор озабоченно поглаживал Фоукса, перебирая варианты.

По донесениям из дома Блэков, Гарри демонстрировал выдающиеся успехи в магии. Основатели души в нем не чаяли и лично обучали его — это было огромным преимуществом. Волдеморту такие учителя и не снились. Северус подтвердил, что Гарри хоть и не унаследовал талант Лили, но во много раз превосходит Джеймса в старательности. Минерва и вовсе была очарована мальчиком: по её словам, он был не только умен, но и рассудителен, осторожен, а его редкие шалости никогда не переходили границ. Она считала Гарри гораздо более многообещающим учеником, чем был его отец. Но Дамблдора не покидало ощущение, что Гарри ведет себя не как ребенок. В нем не было детской непосредственности, жажды проказ; зато было слишком много спокойствия и глубины. Мадам Помфри на его сомнения лишь отрезала, что Дамблдор просто привык к вечно шумящим и ищущим приключений гриффиндорцам. Директор вздохнул. Он не был сумасшедшим стариком, который любит только нарушителей спокойствия, просто образ Джеймса Поттера слишком прочно засел в его сознании. В конце концов, Альбус решил оставить вопрос с палочкой. Если потребуется, он просто отдаст Гарри Бузинную палочку раньше срока — по его плану она всё равно рано или поздно должна была перейти к нему.

<http://bllate.org/book/17565/1702401>